

КОНЦЕРТ, КОТОРЫЙ СОСТОЯЛСЯ

Действительно состоялся авторский вечер Ефрема Подгайца в Доме композиторов; состоялся в полном смысле этого слова: как встреча, где всем собравшимся было по-домашнему тепло; как концерт, где не прозвучало ни одного неудачного номера; как действие с ясно ощущаемой единой смысловой линией. Произошло то, что случается достаточно редко: разные произведения сложились в новое единство содержания и формы. Сам концерт стал произведением, целостным художественным текстом.

Одна из причин этого удивительно феномена, безусловно, сами участники - союз трех поколений: "Classica Nova" (молодые музыканты и новые друзья), хор "Весна" под руководством В. Пономарева - старая дружба и старые творческие связи, но все новые поколения юных участников. Их совместное появление на сцене в начале и в конце концерта - радостное и одновременно знаковое событие. Образовавшаяся ясно ощущаемая смысловая арка высветила некоторые очень важные, но не лежащие на поверхности особенности авторского мышления. И то, что в творчестве Е. Подгайца присутствовало всегда, но скрыто, подспудно, вдруг получило возможность заявить о себе в полный голос. "Ода греческой вазе" для детского хора и двух фортепиано соч. 138 на стихи Дж. Китса и "Лунная свирель", кантата-сказка соч. 51 для хора, флейты, скрипки, фортепиано и ударных, - очень разные по форме и художественному языку, по теме, по времени и истории своего создания, по многим иным характеристикам, будучи "принудительно" включенными в ситуацию прямого взаимодействия, неожиданно обнаружили глубочайшую внутреннюю близость. Так стрелки двух компасов, оказавшихся на близком расстоянии, поворачиваются друг к другу, делая явным существование неких незримых сил.

Два произведения вступают в диалог. Тема его может быть с известной долей условности обозначена как коллизия времени и вечности, нетленного и преходящего, и особое предназначение (и судьба) Художника, самой природой вещей поставленного на острие этой проблемы. В "Оде" искусство предстает в качестве волшебной силы, доносящей к нам из далекого прошлого живые (вечно живые) мгновения текущего бытия. Движение направлено из прошлого в настоящее, из круга вечности в текущее линейное время. Гармония служит мостом, соединяющим эти полюса. Прежде всего, гармония Красоты и Правды, доведенная до степени тождества: "В прекрасном - правда, в правде - красота, вот все, что нужно помнить на земле".

Добрая красота "Лунной свирели" скрывает совсем иные мотивы. В ней, хотя и в предельно мягкой форме, присутствуют разлад и трагедия, страх и отвага, героизм и смерть. Бесстрашный заяц, играющий на своей свирели лунной ночью на открытой лесной поляне под пристальным взглядом старого многоопытного филина, съевшего за свою долгую жизнь немало таких странных зайцев... От рациональной в своей сути гармонии "Оды" здесь нет и следа. Ее солнечная атмосфера сменилась атмосферой призрачного лунного сияния. Закончился прилив - начался отлив. Основное движение - уже не к нам, а от нас, из времени в вечность, из мира дальнего в мир горний. Зато, мост, соединяющий эти два мира, здесь все тот же - музыка, искусство, красота. Уходя по этому мосту в вечность, заяц (художник) спасается от когтей старого филина. Кто же такой филин? Фигура многозначная. Одно из возможных толкований - само Время, Хронос, пожирающий своих детей. Исключение - для творцов, добровольно исчезающих в своем творе-

нии. Заяц - один из таких. Филин его сначала просто не понимает, а потом и не видит: стал прозрачным, ушел в свою флейту (музыку) по самые уши, а затем распался на целый сонм лунных зайчиков, играющих каждый на своем инструменте "Старинную французскую песенку". Так чисто линейное время (Хронос) не понимает и не видит возрождения, бессмертия. Но и пребывающая в своем кругу Вечность не знает и не видит смерти.

Соединение этих позиций, замыкание времени и вечности, смерти и возрождения в единую смысловую цепь - суть большинства мистерий. Сделав это путем соединения в одно действие двух таких произведений, музыканты воспроизвели на концерте саму эту мистериальную суть. Возможно, и не имея этого в виду. Попав в столь мощный контекст, остальные пьесы как бы засветились новыми красками (а ведь звучали они в концертах неоднократно, записаны на пластинки и диски - музыка ведь тоже способна перевоплощаться). "Мозаика" для двух флейт (соч. 81, bis; Т. Ларина, В. Серов) - последовательность восьми коротких разнохарактерных миниатюр - картинок (Интродукция, Квадрат, Септаккорды, Вальс, Контрапункт, Гавот, Инвенция, Считаем до семи). Странные это картинки. Как бы нарисованные белым по белому. В Сонате-партике для фортепиано (соч. 57; С. Липс) - привычная уже игра со стилями приобрела смысл активной работы с культурной памятью, позволяющей не только "путешествовать во времени", но и творчески с ним взаимодействовать. Сюита для флейты и фортепиано "Образы Рильке" (Т. Ларина и С. Липс) - инструментальная версия вокального цикла, написанного в 1978, где слово, "вынесенное за скобки" (текст читался непосредственно перед исполнением музыки), продолжало жить и звучать в каждой ноте.

Концерт для гитары и органа (соч. 168; Д. Татаркин и Ю. Пирожихина): трудно представить себе что-либо более далекое друг от друга, чем эти два инструмента. Масштабность и космизм органа, его мощь, его объективная, над-личная природа, с одной стороны, камерность и сердечность гитары, ее подчеркнутая субъективность, капризная эмоциональность, колеблющаяся между подчеркнутой слабостью и взрывной энергетикой, с другой. Но именно эта ось и является, по-видимому, самой напряженной в отношении времени и вечности, вокруг которого как-то сами собой выстроились все номера концерта. Предельный масштаб смыслового контраста был достигнут, его напряженность сохранялась от первого до последнего звука. Замысел был понят и принят.

Юрий Дружкин

(14).04.03

Подгайца Ефрема

Рос. муз. газета - 2003 - № 4 (апр.) - с. 3